
Заир Асим

Звонок от Нуржика

Рассказ

Говорят, что жизнь проживаешь дважды и по-настоящему во второй раз — в воспоминаниях.

Я ехал в машине от угасающей бабушки, которая не всегда меня узнает. Было часов одиннадцать ночи. Позвонил Нуржик. Из Америки, по ватсапу. Интернет на телефоне плохой, поэтому связь обрывалась. Перезвонил из дома. Отрадный разговор всколыхнул память так, что до рассвета в голове вспыхивали события подростковой юности.

Дружить мы начали в школе. В классе девятом. Нуржик перешел из казахской школы. Все считали его диковатым, особенно девчонки. Мне же эта необузданность импонировала. Сам я тоже был резким и грубым, косноязычным необщительным спортсменом. В школе дружбу и любовь находят по биологическим принципам. Симпатия на уровне запаха. Смелость — благотворная почва для таланта. Как-то раз они с Дамиром проверили меня. Позвонили и сказали срочно приезжать, придется драться. Ничего не объяснили. Я приехал. Поржали.

Помню летние каникулы. Ехал вверх по Сейфуллина в троллейбусе, любуясь светотенями тополиной аллеи. Покупал в киоске бутылку пива Тянь-Шань, обнимал при встрече Нуржика, завидуя его обильной щетине. Захмелев, пускался в долгие витиеватые рассуждения, что уже тогда выявляли невысказанность природы.

Наша дружба всегда отличалась откровенностью, легкостью обсуждать непонимание, непринужденностью выражать восторг. Даже несогласие звучало веселой фразой «Ну, ты тип!» В пятнадцать лет для подростка друг сродни жене после сорока. Иметь общую одежду, иногда подругу, драться друг за друга.

Мы ходили друг к другу домой, часто ночевали. У меня всегда был лагман, приготовленный бабушкой с маминой стороны. Все школьные друзья помнят этот лагман. Нуржик любил открыть холодильник, достать кастрюлю с подливой и хлебом макать в маслянистую гущу. Как-то раз ходил на свидание в парк и засиделся до двух ночи. Домой ехать было поздно, до него было пешком, он тогда жил в маленькой квартире на Арбате. Я попросил его не закрывать ночью дверь и самому встретить меня. Но он заснул. Как испугалась мама, когда в позднее время кто-то в темноте зашел в их квартиру и лег спать.

Обычно дружба сопровождается конкуренцией, особенно в этом бурлящем возрасте, но у нас этого не было. Мы открыто радовались успеху другого. Зачастую это

Заир Асим (Заир Асимов) — поэт, прозаик. Родился в 1984 году в Алма-Ате. Окончил механико-математический факультет КазНУ им. Аль-Фараби. Преподает математику в учебном центре. Автор книги стихотворений «Осиротевший крик сирени» (2010), книги прозы «Письма в никуда» (2013). Печатался в журналах «Знамя», «Новая Юность» и др. Живет в Алма-Ате.

труднее, чем разделять беду. Зависть сковывает приближенных, сталкивает человека с собой. Как правило, это столкновение никто не выдерживает. Начинают втайне презирать за одаренность или успех.

Когда по окончании школы мы всем классом собрались на Иссык-Куль, Нуржик поехал с моим папой провожать. С нами не смог. Расставание на неделю казалось разлукой.

Летом мы приезжали ко мне, смотрели фильмы. Тогда я еще не увлекся чтением, но брал постоянно у мамы деньги на обмен видеокассет. Шел пешком до мехпоселка на остановку или на базар. Старую на новую можно было поменять за сто тенге. Брал кассету, аккуратно лезвием открывал пленку, заклеивал скотчем. Если фильм потрясал, ставил в личную коллекцию. Случалось смотреть в день по два-три фильма. В кино я влюблялся, страдал, дышал свободой вымысла. В одну из таких ночей мы втроем (я, папа и Нуржик) смотрели фильм «Знакомьтесь, Джо Блэк». Ели сочный арбуз. В тот момент, когда Энтони Хопкинс, уходя из праздника жизни, оглянулся, прищурив взгляд от смеси сожаления и восторга, произнес: «да... это жизнь, что тут скажешь!», Нуржик ткнул меня локтем. Папа невидимо плакал. За очками тихо блестели глаза. Ему тогда было сорок восемь, нам восемнадцать.

На первом курсе я прочитал Камю и решил, что буду писать. Вот здесь я и начал всех сторониться. «Посторонний» вращал в мое мышление. Встречи происходили все реже.

Осенью в горах, на выезде с сокурсниками бывшей одноклассницы, мы подрались с одним асоциальным турком. Поодиночке он был здоровее каждого из нас. Знакомый турка не участвовал в драке, признавая нашу правоту, но не давал напасть вдвоем на него. Пожалуй, не приходилось драться с большим размахом. Скатывались с горы вниз, потом по асфальту. В итоге у обоих порванные джинсы, футболки, кровавые пятна потертости. На следующее утро на фоне этого потрясения взгляду впервые открылись пылающие горы октября.

Чтение стопорило инстинкты. Все ставилось под сомнение. В студенчестве смуты поиска или избыточная романтичность ни один раз вводили в иступление, за которое сейчас стыдно. В разгаре молодости ценно менять ситуацию под себя, а не рассуждать о другом способе мышления.

На втором курсе большой компанией оказались на Капчагае. К тому моменту с Нуржаном уже почти не виделись и не созванивались. Он общался преимущественно с Дамиром. Они странно влияли друг на друга, пробуждали дерзость, переходящую в наглость, провоцировали каждого, захлебывались в жажде конфликтного веселья. Пили до последней стадии оголтелости. Многие не выдержали этого и уехали. Очередь дошла до меня. Поводом послужило несогласие выпить с ними. На первом курсе я отказался от алкоголя и курения. Спорить с пьяным все равно, что беседовать с человеком со старческим слабоумием, ходить кругами вокруг одной мысли, как собака на привязи. Я сделал один символический, глупый, чрезмерно трогательный жест и удалился. Пошел на берег и голым, в одиночку плавал под луной. И был невыразимо счастлив, окрыленный горьковатой независимостью. В эту ночь я попросался со своей дружкой, и потребность видеться была исчерпана.

Лет пятнадцать прошло. Голос Нуржика не изменился. Мой, должно быть, тоже.

— Я в Америке. Работаю в посольстве консулом. До этого жил в Швейцарии. В Лондоне пожил. Ты женился? Дети есть?

— Нет.

— А что так? Это же легко. Плюнул пару раз куда надо, — сказал он это с ребячливой восторженностью, какая была свойственна в школе. — У меня двое пацанов, учатся здесь. Я прилетаю 18 мая. Давай встретимся.

Внезапная молния юности осветила ночное небо. Приятно пощекотать память, чихнуть, посмотрев на солнце радости, словно ничего не происходит. Только длится почти бесконечное настоящее.

Лотта Гесс

Линия антарктической конвергенции. Бука

Рассказы

Озёрное время

Глава 1. Меня нет

В семь тридцать утра по Озёрному времени мама ушла на автовокзал работать буфетчицей. Мягко хлопнула дверь. Через триста туманных каменистых метров, через десять влажных холодных минут озябшая мама погрузится в дребезжание и пыхтёж, в сонное раскачивание и свежий бензиновый дух, в «Красную Москву» пухлых ситцевых соседок. Хищный тупой компостер оправдывает ее билет.

Щелк! Бука проснется по-настоящему и посмотрит в далекий беленый потолок. Поздно вечером она парила под ним, раздвигая руками желтеющий воздух, и отчаянно вопила: посмотрите, как я умею! Но большие не обращали на нее внимания. Будто ее вовсе не было в этой старой накуренной «зале», и она не трогала жухлой, простреленной шампанской пробкой известки. Потом мама будто что-то заметила, оглянулась, закинула голову и крикнула: Бука, что ты делаешь! Это нельзя, так нехорошо, слезь оттуда немедленно!

— Отку-у-да? — хитро и победоносно спросила висящая вниз плечом Бука, — откуда? — и засмеялась.

Потом Озёрному времени надоело считать. Оно проскользнуло в невесомый тюль, в прохладную липовую темноту и скрылось по своим временным делам. И все пропало до утра.

Бука пошевелила затекшим пальцем, стянула одеяло и бросилась в соседнюю комнату.

— Ты видел, как я вчера летала?

Мутный сонный глаз открылся и захлопнулся.

— Ты видел?

— Ты дура тупая, отстань, я спать хочу!

— Видел? — прыг! — Видел? — прыг — Видел!!! — прыг! — натужно кричал панцирь.

Лотта Гесс (Лотта Сердюцкая) родилась в 1986 году в Биробиджане. Окончила областной колледж культуры и Литературный институт им.А.М.Горького. Печаталась в журнале «Знамя». Живет в Москве. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Жорка схватил Буку за плечи и затряс, как дюжий кондуктор тщедушного безбилетника.

— Больше никогда! Слышишь? Никогда так не делай, тупая, уродливая свинья, а то станешь такой же, как она! Ты уже такая! Я видел, как вы с Кристинкой показывали друг другу писки в коридоре!

— Ты врешь! Только тетя Соня видела, она никому не скажет!

— Видел! Видел! Видел! Тетя Соня — старая курва, старая вонючая падла! Папа вернется, и мы вас всех обоссим!

Жорка взбодрился и отправился завтракать. Бука лежала под трельяжем, всхлипывала и пускала длинные зеленые сопли.

Ночью маме снился такой сон. Кто-то пришел и сказал, что Бука умерла. А маме не в чем ее хоронить: Бука росла-росла-росла и к смерти выросла из всех колготок. Остались одни старые розовые гольфы. Мама достает их из шкафа, идет наряжать мертвые Букины ноги, а они такие длинные, что розовые гольфы выглядят как носки, и мама плачет-плачет-плачет, потому что перед соседями будет стыдно.

И Буке под трельяжем стыдно. Но еще ей жалко, невыносимо жалко — вот мужики несут по Озёрке красную бархатную лодочку с Букой; и Жора, и папа с мамой, и тетя Соня плачут-плачут-плачут, и Бука тихонько плачет потому, что не может их утешить: взять и вылезти из гроба — так нельзя, это нехорошо, залезь туда немедленно, грязная вонючая свинья, раз уж была добренька откинуть копыта.

— Бука, иди жри, а то льдом покроется! — Дверь лихо саданула, и деревянная лестница, содрогнувшись, как потрясенная скала, стала принимать обратно серые пылинки тишины.

Жрать не хотелось. Слезы высыхали, стягивали и щекотали щеки, но это было приятно. Время, как котенок, лежало с ней на ковре, смотрело в потолок и тоже думало: а может, меня вовсе нет? Вдруг — все это — просто злая сказка? Ведь не может же быть такой нелепицы — я лежу тут, в их бредовом пространстве, и что-то отсчитываю. Но что? И зачем?

Из расщелины шкафа остро потянуло Озёрной водой.

Глава 2. Озеро

Бука вошла в туман, как в дом. Где-то были стены, но они были далеко, и все они были внешние, немые. Она видела свои ноги, зацыпканные тощие ноги в коричневых сандалиях. Ноги шли по мягкой мокрой траве. Вокруг качались пухлые лиловые колокольчики сон-травы, нежно касались кожи. Китайские колокольчики сон-травы тихо звенели, повесив головки, пели про Императора-солнце, что никак не взойдет. Какие же вы глупыши, ведь вы не подымете головок, когда взойдет Император! Вы не посмеете взглянуть на него, вы замолчите от страха, что он сожжет ваши подданные головки! Туман вернее, он — ваша мать, он поит вас прохладным росистым молоком, дает вам слезы плакать по Императору, скрывает от жадных детских рук.

И когда я дойду до Озера, оно нежно прильнет к моему телу, и скроет его, а туман окутает голову, и никто-никто не увидит, куда я плыву — и не скажет — КАК это. Это будет никак — все, происходящее тайно, да будет — никак.

В траве сидел кузнечик. «Простите, вы не знаете — как пройти к Озеру?».

Кузнечик задрал голову и обнаружил толстые рыжие усы.

— Да хрен его знает! Туман этот проклятый...

— Врете вы! Дурак, ничего не знаете — туман с Озером заодно, они вместе делают человеку Никак!

Кузнечик подло засмеялся, усы его нестерпимо засияли, как жестяная банка для червяков. У Буки заболело в глазах, и она проснулась на ковре, в круглом горячем пятне — это взошел Император.